

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

А. ВЕЙСМАЙЕРЪ

Цена на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.

безъ дост. . . . 5 » — »

На полгода 3 » 50 »

На три мѣсяца 2 » — »

Редакція: Малая Подъячская, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Коралловый островъ на Тихомъ океанѣ. А. С—вой. — II. Парусъ. (Стих.). Лермонтова. — III. Бабушка.

КОРАЛЛОВЫЙ ОСТРОВЪ НА ТИХОМЪ ОКЕАНѢ.

ВЕТЕРКИНЪ былъ огорченъ, что не могъ видѣть пещеры, но помочь было нечѣмъ. Если бы въ этихъ моряхъ былъ сильный приливъ и отливъ, то можетъ мы бы нашли возможнымъ взять его съ нами въ мелководье, но такъ какъ вода прибывала и убывала не болѣе какъ на

восемнадцать дюймовъ или на 2 фута, то это было невозможно.

Эта особенность теченія—незначительная прибыль и убыль—обратила наше вниманіе. Мы замѣтили, что вода прилиwała и убывала съ непрерывной правильностью вмѣсто того чтобы подчиняться измѣненіямъ луны, какъ у насъ на родинѣ. Каждую ночь и каждый день кромѣ прилива мы замѣтили, что на нашемъ островѣ сумерекъ почти не бываетъ. Описавъ Петеркину алмазную пещеру подъ брызжущей скалой, мы отправились домой, по пути вѣтеръ донесъ къ намъ хрюканье и визгъ.

— Ихъ-то намъ и надо! воскликнулъ Петеркинъ, поднимая копье.

— Тсъ! сказалъ Джекъ—это твои друзья, Петеркинъ. Вѣроятно они явились отдать тебѣ дружескій визитъ.

— Впередь! крикнулъ Петеркинъ, спѣша къ лѣсу, мы съ Джекомъ слѣдовали зъ нимъ.

Еще хрюканье и полъ-дюжины визговъ раздались внизу долины.

— Петеркинъ! крикнулъ Джекъ.

— Что тамъ такое?

— Постой, мой милой! хрюканцы поднимаются по склону горы.

— Выбирай самую жирную, крикнулъ Джекъ.

— Хорошо, отвѣчалъ Петеркинъ.

Стадо бѣжало съ горы съ такой быстротой, что одна изъ нихъ задѣла Петеркина за ухо, а другая шлепнулась ему въ ноги, Петеркинъ кубаремъ скатился къ подножію холма, я бросилъ въ свинью камень такъ ловко, что пригвоздилъ ее къ землѣ, и просилъ Петеркина не трогать больше ни одной. Вдругъ всѣ свиньи показались—позади всѣхъ бѣжала громадная старая свинья, окруженная молодыми. Петеркинъ схватилъ свое копье, бросился впередъ и съ ужасающимъ крикомъ пронзилъ имъ старую свинью въ сердце.

— О, Петеркинъ! сказалъ я, подходя къ нему, что ты сдѣлалъ?

— Сдѣлалъ? убилъ ихъ пра-пра-прабабушку, вотъ и все, сказалъ онъ, глядя съ уваженьемъ на проколотое животное.

— Зачѣмъ ты убилъ ее? сказалъ Джекъ, подходя къ намъ.

— Мнѣ надобна пара новыхъ башмаковъ, а изъ ея шкуры я могу сдѣлать себѣ самые крѣпкіе башмаки.

— Пожалуй ты и правъ, сказалъ Джекъ, рассматривая убитое животное.

Мы связали свиньи ноги и вздѣли ее на копье. Джекъ взялъ на плечо одинъ конецъ, я другой, и такимъ образомъ вернулись къ себѣ, отягощенные славной добычей благородной охоты, счастливые и довольные.

XIV.

Постройка лодки.—Петеркинъ стряпасть.—Разговоръ съ кошкою и другія вещи.

Нѣсколько дней спустя Джекъ занялся постройкой лодки. Какого труда ему это стоило можно понять потому, что у него не было другаго орудія кромѣ топора, куска желѣзнаго обруча, парусной иглы и сломаннаго перочиннаго ножа. Но Джекъ сдѣлалъ свое дѣло отлично. Правда, что работа шла медленно, но въ этомъ бѣды не было, у насъ не было никакого дѣла. Изъ волоконъ кокосоваго дерева мы сдѣлали превосходный канатъ. Джекъ поддерживалъ въ насъ бодрость и наконецъ мы построили круглую бочко-образную лодку, законопатили ее и засмолили смолой собранной съ хлѣбнаго дерева. Петеркинъ и я помогали Джеку, но такъ какъ наша помощь была не особенно нужна, то чаще отправлялись охотиться на обширныхъ тинистыхъ отмеляхъ у входа въ длинную долину. Въ долину мы встрѣчали большія стада утокъ различнаго рода, нѣкоторыя изъ нихъ вполнѣ походили на ди-

кихъ утокъ нашей родины. Такимъ образомъ къ ужину у насъ бывали самые разнообразныя блюда и такое изобиліе запасовъ, что мы не знали съ котораго изъ лакомствъ начать.

Старая кошка, которую мы принесли домой, пользовалась большою долей нашего изобилія, и мы за ней такъ хорошо ухаживали, особенно Петеркинъ, что къ ней вернулись силы и даже зрѣніе и слухъ улучшились.

Петеркинъ, занимаясьстряпнею, угощалъ насъ булками, какъ называлъ испеченный плодъ хлѣбнаго дерева,—жареной свининой и уткой, варенымъ и жаренымъ мясомъ, кокосовыми орѣхами, таро и сладкимъ картофелемъ, за которыми слѣдовалъ десертъ изъ сливъ, яблокъ и смоквы—большаго и превосходнаго плода, растущаго на большомъ кустѣ или на деревѣ въ двѣнадцать футовъ вышиною, съ свѣтло-зелеными листьями необыкновенной длины и ширины. Эти роскошныя пиры запивались лимонадомъ изъ кокосовыхъ орѣховъ.

Иногда Петеркинъ пробовалъ изобрѣтать какое нибудь новое блюдо—„смѣсъ“, какъ онъ говорилъ, но эта смѣсъ всегда оказывалась такъ отвратительна, что онъ былъ принужденъ отказаться отъ своихъ попытокъ.

Однажды, когда мы съ Петеркиномъ сидѣли за столомъ и обѣдали, Джекъ подошелъ къ намъ съ берега и, бросивъ свой топоръ, воскликнулъ.

— Ну, ребята! лодка готова, намъ остается сработать пару веселъ и—въ море.

Хотя мы и замѣчали что лодка подвигается къ концу, но рассчитывали воспользоваться ею не раньше какъ черезъ двѣ-три недѣли.

— Мой милый, воскликнулъ Петеркинъ, отчего ты не сказалъ намъ, что лодка почти готова? вѣдь мы можемъ весело прокатиться завтра, не такъ ли?

— Нѣтъ, возразилъ Джекъ, мы не можемъ завтра прокатиться. Сегодня займемся веслами.

— Прекрасно, сказалъ Петеркинъ, бросая кусокъ свинины кошкѣ, которая схватила его съ радостнымъ мяуканьемъ. Я помогу вамъ, если съумѣю.

— Потомъ, продолжалъ Джекъ, мы сдѣлаемъ парусъ изъ кокосовой ткани, соорудимъ мачту, и тогда можно будетъ объѣхать нѣкоторые острова и навѣстить нашихъ друзей пингвиновъ.

Надежда осмотрѣть другіе острова и насладиться плаваньемъ по прелестному морю насъ такъ обрадовала, что послѣ обѣда мы серьезно принялись работать, Джекъ отправился въ лѣсъ и вырубилъ топоромъ весла, я ихъ остругалъ, а Петеркинъ дома ссучилъ канатъ, чтобы привязать весла къ лодкѣ.

Мы работали прилежно и быстро, а на закатѣ солнца все было готово. Приближаясь къ своему жилищу, мы внезапно остановились при звукѣ чьего-то голоса! и не только что удивились, но даже встревожились этимъ, хотя Петеркинъ и любилъ говорить, но никогда не слыхали, чтобы онъ разговаривалъ самъ съ собою. Мы стали прислушиваться. Джекъ сдѣлалъ мнѣ знакъ молчать и мы на ципочкахъ подошли ко входу и заглянули въ него. Намъ представилось забавное зрѣлище: на бревнѣ сидѣла черная кошка съ задумчивымъ выраженіемъ морды, а напротивъ нее на корточкахъ Петеркинъ, заложивъ руки въ карманы панталонъ, пристально смотрѣлъ ей въ морду, и говорилъ кошкѣ: „вѣдь я берегу и люблю тебя!“ Кошка молчала.

— Слышишь ли ты? вскрикнулъ Петеркинъ. Неужели ты не благодарна за это.

На такой трогательный призывъ кошка промяукала едва слышно.

— Вотъ и прекрасно. Ты умная, старая кошка. Отчего ты не тотчасъ заговорила? Петеркинъ погладилъ ее по головѣ и продолжалъ. Неужели ты думаешь, что я солгалъ, черная вѣдьма? Я люблю тебя, потому что мнѣ пришлось заботиться о тебѣ, смотрѣть, чтобы ты не околѣла.

— Мяу, мяу, произнесла кошка.

— Очень хорошо, продолжалъ Петеркинъ, совершенно вѣрно, я не сомнѣваюсь, но ты не имѣешь права меня прерывать. Держи языкъ за зубами пока я не кончу. Кромѣ того я берегу тебя, кошка, потому, что ты подошла ко мнѣ съ перваго раза и не боялась, не зная даже убью ли я тебя или нѣтъ. Это было мужественно и похвально съ твоей стороны, старая, и я хвалю тебя за то!

Снова наступила пауза, во время которой кошка сидѣла смирно, а Петеркинъ казалось разсматривалъ ея лапы. Вдругъ онъ сказалъ:

— Ну, киска, о чемъ ты задумалась? Скажи-ка мнѣ, неправда ли стыдно, что эти два негодяя Джекъ и Ральфъ заставляютъ насъ такъ долго дожидаться ужина?

Тутъ кошка встала, вытянулась, зѣвнула слегка и лизнула кончикъ носа Петеркина.

— Умница кошка—право я начинаю думать, что ты меня понимаешь, сказалъ Петеркинъ съ веселой улыбкой, отступивъ назадъ и осматривая кошку.

Тутъ Джекъ разразился громкимъ смѣхомъ. Кошка фыркнула и убѣжала, а Петеркинъ воскликнулъ:

— Ну тебя, Джекъ! ты перепугалъ меня, что чуть сердце не выскочило.

— Такъ какъ мы не будемъ долѣе морить тебя и кошку безъ ужина, то надѣюсь, что вы оба меня простите.

Послѣ ужина мы отправились спать и грезили объ удивительныхъ приключеньяхъ и отдаленныхъ путешествіяхъ по морю на нашей лодочкѣ.

XV.

Лодка оснащена.—Мы посѣщаемъ коралловый рифъ.—Бурунь.—Кораллы.—Какъ образуются коралловые острова.—Парусъ.—Рыбы.—Чудовищный китъ.—Потокъ маленькихъ рыбокъ.—Смерчи или тифоны.

Было свѣтлое, прекрасное утро, когда мы въ первый разъ оснастили нашу маленькую лодку и вплыли въ тихія воды лагуны. На темно-голубомъ небѣ не было ни облачка. Ни одинъ нестройный звукъ не нарушалъ тишины утра, хотя много мягкихъ, мелодическихъ, тихихъ звуковъ сливалось съ всеобщей гармоніей природы. Солнце только что поднималось изъ Тихаго океана и окрашивало горныя вершины красноватымъ отблескомъ. Море сверкало какъ зеркало и какъ бы дышало. Въ прозрачной глубинѣ сверкали водоросли и кораллы. Мы плыли точно по драгоценнымъ камнямъ.

Сначала въ пылу восторга мы плавали взадъ и впередъ безъ цѣли. Потомъ посѣтили два небольшихъ острова, на которыхъ росло нѣсколько кокосовыхъ деревьевъ, позавтракали свѣжими орѣхами и пустились въ открытое море. Спустя немного времени мы высадились на коралловый рифъ, не думая о прибоѣ.

Въ открытомъ морѣ, восторгъ моряковъ пробудился у насъ въ груди при видѣ грандіознаго прибоа, разсыпавшагося у нашихъ ногъ, и до того увлеклись, что позабыли нашъ коралловый островъ, спокойствіе душистыхъ лѣсовъ, и все что пережили въ послѣдніе мѣсяцы, мы помнили только бури, штили, свѣжій вѣтеръ и волны открытаго моря.

Громадная, величественная волна, увеличиваясь въ объемѣ, медленно шла къ рифу и водянымъ сводомъ обрушилась на него мильонами искръ. Мы едва могли оторваться отъ этого зрѣлища. Рифъ былъ такъ широкъ и возвышенъ, что могъ выдержать ея натискъ. Коралловыя скалы во многихъ мѣстахъ

были покрыты растительностью, образуя будущіе острова. Тутъ мы поняли какъ образовалось большинство мелкихъ острововъ Тихаго океана.

Удовлетворивъ наше любопытство и цѣлый день проведя на нашей маленькой лодкѣ, мы вернулись немного усталые и голодные въ наше жилище.

— Ну, сказалъ Джекъ, такъ какъ наша лодка оказалась удобной, мы сейчасъ примемся за мачту и парусъ.

— Отлично, сказалъ Петеркинъ, — за дѣло сегодня же. Ура, ребята, тащите!

— Ступай, Петеркинъ, набери кокосовыхъ волоконъ и насучи изъ нихъ нитокъ.

— У меня уже насучено ихъ многое множество, отвѣчалъ Петеркинъ.

— Очень хорошо, продолжалъ Джекъ, — въ такомъ случаѣ ты поможешь Ральфу собирать и кроить кокосовую ткань, изъ которой мы сдѣлаемъ парусъ. Я же позабочусь о мачтѣ и снастяхъ, и такъ за работу!

Мы принялись за работу такъ усердно, что черезъ три дня въ нашей маленькой лодкѣ были мачта, парусъ и необходимыя снасти.

Правда, парусъ былъ неособенно красивъ, но проченъ, а въ этомъ-то и состояла вся задача.

Мачта и парусъ оказались превосходными и мы съ наслажденіемъ плавали по лагунѣ, разсматривали издали нашъ островъ, заглядывали въ глубину воды и по цѣлымъ часамъ наблюдали за прыжками интересныхъ разноцвѣтныхъ рыбъ среди коралловъ и водорослей, и ловили на удочку рыбу; рыбной ловлей занимался больше Петеркинъ. Мы съ наслажденіемъ слѣдили за нимъ, на лучшіе крючки пошло мѣдное кольцо, которое Джекъ носилъ на пальцѣ, что стоило большаго труда.

Не рѣдко случалось намъ видѣть акулъ, пилу-рыбу, дельфиновъ и китовъ. Дельфины часто приходили въ нашу лагуну стадами и очень забавляли своими прыжками и

играми. Пила-рыба поражала оригинальной внѣшностью; нѣкоторыя изъ этихъ рыбъ были повидимому аршинъ пяти длиною и на концѣ ихъ морды росло длинное копье, цвѣта слоновой кости, аршина въ три или четыре длиною. Мы часто видѣли какъ онѣ гнались за другими рыбами и нерѣдко убивали ихъ своими пилами. Джекъ вспоминалъ, что онѣ слышалъ однажды разсказъ о томъ, какъ пила-рыба напала разъ на корабль, что дѣйствительно можетъ показаться страннымъ, но такъ какъ у нихъ въ обычаѣ нападать на китовъ, то она можетъ ошибкой приняла корабль за кита. Эта пила-рыба наскочила на корабль съ такой силой, что проткнула своей пилой толстыя доски, и когда долго спустя корабль вошелъ въ гавань, то пилу нашли еще торчащей тамъ!

Акулы появлялись не часто. Что же касается китовъ, они никогда не заходили въ нашу лагуну, но мы часто видѣли какъ они брызгались въ морѣ за рифомъ. Мы также видѣли множество летучихъ рыбъ и замѣтили, что онѣ вылетали изъ воды только тогда, когда ихъ преслѣдовалъ злѣйшій врагъ дельфинъ, отъ котораго онѣ такимъ образомъ спасались. Но изъ всѣхъ видѣнныхъ нами рыбъ насъ всего болѣе удивляли рыбы, которыхъ мы находили въ мелкихъ лужахъ послѣ ливня. Онѣ спускались къ намъ съ потокомъ дождя! Джекъ пытался объяснить ихъ появленіе довольно правдоподобно. Мы часто видѣли и водяные смерчи на морѣ. Водяной смерчъ или тифонъ—это кружащійся столбъ воды, онъ поднимается на морѣ въ видѣ заостренной колонны. Поднявшись на значительную высоту, встрѣчается съ длинной водяной колонной, спускающейся съ облаковъ и когда оба соединятся, тогда вѣтеръ носитъ водяной столбъ по морю иногда медленно, иногда быстро, когда же поднимаетъ его къ облакамъ, тогда онъ, разлетаясь въ дребезги, и изливается въ видѣ потока. Это случается на сушѣ такъ же часто, какъ и на морѣ и приноситъ много вреда, иногда же проходитъ безслѣдно. Джекъ думалъ, что маленькія

рыбки могли быть унесены водянымъ столбомъ и спуститься снова съ ливнемъ.

Во время этихъ очаровательныхъ плаваній мы наловили множество ужей, которыхъ нашли очень вкусными, нашли также среди коралловыхъ скалъ много черепахъ и варили изъ нихъ превосходный супъ въ нашемъ желѣзномъ горшкѣ. Кромѣ того отыскивали множество креветовъ и омаровъ, и не проходило недѣли, чтобы мы не сдѣлали какого нибудь интереснаго открытія на сушѣ или на морѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПАРУСЪ.

БЛѢЕТЪ парусъ одинокой
Въ туманѣ моря голубомъ...
Что ищетъ онъ въ странѣ далекой?
Что кинулъ онъ въ краю родномъ?

Играютъ волны, вѣтеръ свищетъ,
И мачта гнется и скрипитъ...
Увы, онъ счастья не ищетъ,
И не отъ счастья бѣжитъ!

Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури;
Надъ нимъ лучъ солнца золотой;
А онъ, мятежный, проситъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой!

Лермонтовъ.

БАБУШКА.

IV.

Новая домоправительница.

ОНСУЛЬША, не взирая на то, что ничего не видѣла, занимала двѣ лучшія комнаты въ домѣ, съ утра и до вечера освѣщаемыя солнцемъ.

Пространная угловая комната была обита прекрасными обоями, а четыре окна ея, изъ которыхъ два обращались въ садъ, а два на улицу, были драпированы, какъ бы облаками бѣлой кисеею, поддерживаемой золотыми шнурками съ толстыми кистями. Между двухъ стѣнъ висѣли большія зеркала въ рамахъ изъ краснаго дерева, передъ зеркалами стояли маленькіе подзеркальники, а на нихъ превос-

ходныя фарфоровыя вазы съ водою, въ которыхъ были поставлены букеты свѣжихъ цвѣтовъ. Стулья, комоды, шкапы и прочая мебель,—все было также краснаго дерева. Вѣлѣкопѣнные столовыя часы своимъ боемъ напоминали слѣпой ходъ времени. Горка изъ зеркальныхъ стеколъ была уставлена множествомъ дорогой чайной и кофейной посуды и разными серебряными вещами превосходной работы. На стѣнѣ висѣли въ золотыхъ рамахъ четыре картины, писанныя масляными красками. На нихъ были изображены въ видѣ ландшафтовъ четыре времени года.

Было десять часовъ утра. Г-жа консульша стояла передъ столомъ, на которомъ кипѣлъ прекрасный серебряный самоваръ, и сама приготавлила шоколадъ для своего завтрака. Когда шоколадъ былъ готовъ, слѣпая налила его въ близъ стоявшій фарфоровый чайникъ, принесла двѣ чашки, серебряную корзинку съ сахарными кренделями и поставили все это на столъ передъ диваномъ.

— Позови сюда отца, сказала она маленькой Линѣ, сидѣвшей въ уголкѣ комнаты, передъ маленькимъ столикомъ, на которомъ были разставлены разныя деревянныя игрушки. Малютка сейчасъ же повиновалась и вышла изъ комнаты. Она нашла отца окруженнаго толпою работниковъ, одни изъ нихъ сдавали товаръ, другіе принимали его гуртомъ. Какъ скоро Дидрихъ узналъ о приказаніи матери, то попросилъ присутствующихъ немного подождать, а самъ посѣщилъ къ ней; онъ зналъ, что она требовала немедленнаго повиновенія, какъ отъ дѣтей, такъ и отъ внучатъ своихъ.

— Сядь сюда, сынъ мой, сказала консульша, указавши Дидриху мѣсто возлѣ себя на диванѣ. Потомъ налила въ обѣ чашки шоколада и положила передъ собой и сыномъ сахарныя крендели. Прежде нежели консульша поднесла чашку ко рту, дернула тонкій шелковой шнурокъ, проведенный отъ картины къ дивану. Въ ту же минуту изъ часовъ раздались волшебные звуки музыки, подъ которые она всегда пила шоколадъ. Когда пѣса окончилась, она сказала сыну,

ставя на столъ свою чашку: пора бы въ часахъ перемѣнить валы; цѣлый годъ слышать одно и тоже надоѣсть; не мѣшало бы переговорить объ этомъ съ тѣмъ искуснымъ мастеромъ, который живетъ теперь въ Прагѣ и занимается дѣланіемъ часовъ съ музыкой. Ты вѣроятно не откажешь мнѣ въ этомъ, сынъ мой?

— Съ удовольствіемъ, любезная матушка, отвѣчалъ Дидрихъ, глядя свѣтлорусые волосы Лины, которая, тихонько подкравшись къ отцу, положила свою головку къ нему на колѣни.

— А писалъ ли ты придворному проповѣднику объ учителѣ? продолжала консульша.

— Писалъ, матушка, отвѣчалъ Дидрихъ, но позвольте вамъ сказать, экономка для дома мнѣ кажется необходимѣе, не хотѣлось бы чтобы два незнакомыхъ человѣка въ одно время поселились въ нашемъ домѣ, это слишкомъ бы затруднило васъ.

— Отчего же ты опять не женишься, сынъ мой? спросила консульша. Тогда бы ты не нуждался въ экономкѣ, а у дѣтей твоихъ была бы мать. Она бы могла присмотрѣть за ихъ воспитаніемъ, гораздо лучше меня, слѣпой старухи, и тебя, мужчины, занятого торговлею.

— Вы говорите справедливо, любезная матушка, отвѣчалъ Дидрихъ. Только найти добрую жену и мать дѣтямъ гораздо труднѣе, нежели хорошую экономку, а если впоследствии жена моя вамъ не понравилась бы и она не сошлась бы съ вами...

— Со мной? сказала консульша, кто бы со мною не ужился, я жила бы съ женой твоей душа въ душу.

— Есть, матушка, отвѣчалъ г. Дидрихъ, дѣвушка очень образованная, дочь сельскаго священника, круглая сирота, объ ней мнѣ писали и говорили много хорошаго.

— Представь ее мнѣ? сказала консульша.

— Конечно, матушка. Развѣ вы не первое лицо въ нашемъ домѣ, рѣшенію котораго я во всемъ покоряюсь.

— Какъ зовутъ эту особу? и какихъ она лѣтъ? продолжала консульша.

— Ей двадцать шесть лѣтъ, а зовутъ ее Стефанія Фюлкрусъ.

— Гм! имя ея слишкомъ громко для прислуги. Двадцать шесть лѣтъ! Это тотъ возрастъ, въ который женщина всего менѣе нравится. Ну, да увидимъ. Что это отъ тебя такъ пахнетъ табакомъ, вѣроятно ты недавно куришь?

— Сегодня я совсѣмъ не куришь, матушка, отвѣчалъ Дидрихъ.

— Ну, такъ этотъ запахъ присталь къ тебѣ отъ стараго писаря, отъ его негоднаго табаку, онъ все имъ заражаетъ. Лина! подай мнѣ одеколонъ.

Умывая руки душистой водой, она продолжала говорить сыну: впередъ говорю, чтобы новый учитель не смѣлъ ни курить, ни нюхать табаку.

— Бѣдный писарь! сказалъ Дидрихъ, это его единственное наслажденіе.

— На что же ему наслаждаться на счетъ моего обонянія, сказала сурово консульша.

— Если вамъ Лина не надобна, матушка, позвольте ей погулять въ саду, сказалъ Дидрихъ, съ участіемъ устремивъ взоры на блѣдную малютку.

— Пускай гуляетъ, пока ты сидишь со мною, но не долѣе, я не могу оставаться одна.

— Внизу меня человѣкъ восемь дожидается, матушка.

— Могутъ и подождать! надѣюсь ты не будешь сидѣть со мною какъ на угольяхъ, какъ твои дѣти, даже и Лина начинаетъ подражать своимъ братьямъ.

Слезы блеснули на голубыхъ глазахъ Лины; отецъ отеръ ихъ тихимъ поцѣлуемъ и далъ ребенку сахарный крендель, съ которымъ Лина выбѣжала изъ комнаты.

— Опять ты прыгаешь такъ, что дрожатъ чашки и окна? закричала ей вслѣдъ бабушка съ неудовольствіемъ. Дидрихъ

печально потупилъ глаза. Потомъ онъ принужденъ былъ слушать длинныя жалобы на внучатъ, прислугу и сосѣдей.

Горекъ казался шоколадъ Дидриху.

Черезъ нѣсколько дней новая домоправительница представилась консульшѣ. Это была молодая, образованная дѣвушка съ благородной наружностью и привлекательнымъ обращеніемъ. Дидрихъ принялъ ее очень ласково и робко представилъ матери, а покуда онѣ вдвоемъ разговаривали, у себя большими шагами тревожно ходилъ по комнатѣ. Когда мать сказала ему, что она ничего не имѣетъ противъ выбора экономки, лицо его просвѣтлѣло какъ небо послѣ бури.

Вскорѣ Стефанія переехала въ домъ Дидриха и стала управлять съ любовью, кротко, но серьезно, а если требовала необходимость, то и строго. Во всемъ оказалось болѣе порядка, кушанье приготавлилось вкуснѣе, жизнь дѣтей потекла правильнѣе, прислуга сдѣлалась внимательнѣй и усерднѣй, расходы уменьшились, и воцарилась всегдашняя веселость. Всякій занимался своимъ дѣломъ съ удовольствіемъ, труды были оцѣнены хозяйкой, а чрезъ нее и хозяиномъ. Дидрихъ и дѣти давно не были такъ веселы и счастливы. Даже старый станціонный писарь, кромѣ уроковъ, сталъ чаще посѣщать домъ Дидриха, и опасаясь обезпокоить Стефанію, иногда оставлялъ свою неразлучную трубку. Слѣпая консульша была освобождена отъ всѣхъ заботъ, какъ о хозяйствѣ, такъ и о себѣ самой. Всѣ желанія ея были не только исполнены, но по большей части предупреждены и съ самой съ нею обращались съ самымъ нѣжнымъ уваженіемъ.

Шесть недѣль пребыванія Стефанія въ домѣ протекли незамѣтно и Дидрихъ все болѣе и болѣе радовался своему выбору. Въ одно утро, по обыкновенію пивши шоколадъ въ комнатѣ матери, онъ излился въ похвалахъ Стефаніи какъ объ управленіи ея домомъ, такъ и семействомъ, и разгорячившись не замѣтилъ, что лицо его матери все болѣе и болѣе помрачалось. Когда же онъ замолчалъ, то консульша начала рѣзкимъ голосомъ:

— Сынъ мой! слѣпая видитъ лучше зрячаго. То, что ты называешь въ Стефаніи сердечной добротой и бережливостію, хитрость и расчетъ, она старается опутать насъ какъ паукъ паутиною, и въ послѣдствіи поступать съ своею жертвой, какъ ей вздумается. Я эту ткань провидѣла и не допустила себя, какъ другіе, въ ней запутаться. Поэтому-то Стефанія ненавидитъ меня и всячески старается отвлечь отъ меня тебя, внучатъ и даже прислугу. Кажется ей это слишкомъ хорошо удается. Я унижена въ домѣ до нуля, я не госпожа, а исполнительница приказаній экономки, которую по необходимости должна терпѣть.

Стефанія и Стефанія только и звучитъ во всемъ домѣ, такъ что заткнулъ бы уши отъ этого ненавистнаго имени. Даже и ты, сынъ мой, болѣе и болѣе сокращаешь свои посѣщенія, чтобъ скорѣе сойти въ низъ въ общество Стефаніи. Если тебѣ угодно чтобы мать твоя ничего не значила въ домѣ, то я, хотя и съ растерзаннымъ сердцемъ, должна повиноваться необходимости.

Въ продолженіи этого разговора Дидрихъ блѣднѣлъ, губы его судорожно дрожали, грудь тяжело волновалась, онъ силится подавить горькое чувство, и кротко, въ прерывающихся словахъ возразилъ ей: вы ошибаетесь матушка! Стефанія уважаетъ васъ, заботится о васъ. Дѣти, если позволите мнѣ говорить искренно, любятъ васъ, но боятся еще болѣе, при васъ они не смѣютъ быть веселыми, опасаясь выговора. Съ Стефаніей же они свободны, веселы, непринужденны, рѣзвы, что же касается до слугъ, то...

— Довольно, сынъ мой! холодно перебила его консульша, время окажетъ кто изъ насъ правъ.

Сказавши это, она подошла къ открытому окну выходившему въ садъ, тамъ Лина весело прыгала подлѣ Стефаніи, срѣзавшей букетъ цвѣтовъ. Когда Лина увидала въ окно бабушку, то радостно закричала ей: бабушка, сейчасъ Стефанія принесетъ въ твои вазы прекрасныхъ цвѣтовъ.

Слѣпая, не сказавши ни слова, закрыла окно и слѣла на

диванъ вязать чулокъ. Дидрихъ вышелъ изъ комнаты матери но остановясь у дверей, тяжело вздохнувши, печально сказалъ: по милосердію Божию, какъ бы мы могли наслаждаться жизнію, еслибы самолюбіе, безразсудство и своенравіе не разрушали нашего счастья.

V.

О т ѣ в ѣ д ѣ .

Однажды Христофоръ Кирбахъ принесъ Дидриху цѣлую корзину раскрашенныхъ звѣрей и получилъ за свои труды плату. Въ ту минуту какъ онъ хотѣлъ выйти изъ дома негоціанта, Стефанія подошла къ нему и спросила: ты сынъ извощика, съ которымъ недавно случилось несчастіе? При этомъ вопросѣ глаза Христофора наполнились слезами; онъ молча сдѣлалъ утвердительный знакъ.

— Ты до сихъ подъ не можешь позабыть отца своего? продолжала съ участіемъ Стефанія.

Христофоръ зарыдалъ и снова покачалъ головою.

— Я тебѣ вѣрю, сказала Стефанія, и я также лишилась отца и матери. Часто ли ты посѣщаешь курганъ въ лѣсу, который ты посвятилъ памяти отца своего?

Христофоръ покраснѣлъ, услыша, что Стефанія извѣстна его тайна, и опять сдѣлалъ утвердительный знакъ головою.

— Помогаютъ ли вамъ со времени вашего несчастія? спросила Стефанія.

— Никто, отвѣчалъ вздохнувши Христофоръ.

— Я думала, г-жа консульша не оставляетъ васъ.

— Сначала она хотѣла помогать, да разсердилась, что по моей винѣ ея платье испортилось краской.

— Затѣмъ же вы не обратились къ г. Дидриху? продолжала Стефанія. Онъ добръ, и навѣрно принялъ бы въ васъ участіе.

— Матушка, отвѣчалъ Христофоръ, сказала: покуда у насъ есть средства, не будемъ просить милостыни.

— Да развѣ у васъ есть средства? продолжала Стефанія.

— До сихъ поръ мы не очень нуждались. Мы стали ѣсть поменьше, а работать два часа долѣе. Но теперь...

— Теперь!

Теперь... при этомъ словѣ мальчикъ заплакалъ и отъ рыданій едва могъ выговорить прерывающимся голосомъ:

— Теперь вѣроятно мать наша тоже умретъ.

— Умретъ? спросила испуганная Стефанія, развѣ она больна?

— Очень больна, отвѣчалъ Христофоръ. Она перемогалась сколько силъ было, а теперь лежитъ недвижимо. У нея сильный жаръ и говоритъ, что всѣ члены какъ бы разбиты.

— Я пойду съ тобою, дитя мое, сказала Стефанія, не могу ли помочь твоей матери.

Когда Стефанія вошла въ жилище Кирбаха, ее обдало запахомъ краски. Жилище бѣдности непріятно дѣйствуетъ на людей богатыхъ, бросивши кошелекъ съ деньгами, они полагаютъ что исполнили вполнѣ обязанности любви къ ближнему.

Стефанія увидала себя среди прилежно работающихъ дѣтей и тысячи игрушекъ, которыя заняли бы и порадовали каждого ребенка. Но тѣ, которые покрывали разноцвѣтными красками этихъ лошадей, обезьянъ, оленей, собакъ, барановъ, коровъ, козъ, свиней, львовъ, тигровъ, змѣй, орловъ, канареекъ и другихъ птицъ и звѣрей; солдатъ, всадниковъ, пильщиковъ, рудокоповъ, турокъ, аравитянъ, деревья, дома, церкви, хозяйство, пушки, ружья, пистолеты и еще безчисленные предметы, всѣ они сидѣли безмолвно и печально за своей работой, робко прислушиваясь къ стонамъ матери.

Сахаръ показался бы намъ не такъ сладокъ и кофе не такъ ароматенъ, еслибы мы всякой разъ, пивши его, думали, что капли кроваваго пота и слезы бѣднаго негра орошали эти заморскія произведенія. Не мѣшало бы и дѣтямъ поду-

мать иногда, что ихъ пестрыя игрушки часто работаются за черствымъ хлѣбомъ, при тяжкихъ трудахъ и лишеніяхъ, въ комнатѣ больныхъ, даже въ присутствіи блѣдной смерти, и не рѣдко уничтожаютъ подобныя произведенія скорѣе нежели они дѣлаются. Огорченные дѣти смотрѣли на Стефанію, какъ на ангела, посланнаго Богомъ спасти ихъ умирающую мать.

Сама больная какъ бы оживилась, когда Стефанія подошла къ ея бѣдному ложу. Она нашла у больной сильный жаръ, запретила ей вставать съ постели, возвратясь домой, послала ей большую кружку теплаго лимонада, и велѣла пить его, чтобы произвести потъ.

Вмѣстѣ съ этимъ она попросила у Дидриха позволеніе посылать дѣтямъ Кирбахъ кушанье съ его кухни въ продолженіи болѣзни ихъ матери; Дидрихъ согласился съ удовольствіемъ.

Леченіе Стефаніи увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Вліяніе Стефаніи какъ на дѣтей, такъ и на все окружавшее ее было самое благотворное.

Однажды всѣ дѣти, исключая Лины, которая была у бабушки, сидѣли въ нижнемъ этажѣ дома и раскладывали въ ящики разныя пестрыя игрушки. Юлія считала деревянныя тарелочки, блюда, чайники, чашки, маслянки и другую посуду. Оедя строилъ города изъ церквей, домовъ, воротъ, оградъ и зеленыхъ деревьевъ. Адольфъ разставлялъ полки солдатъ.

— Кто тебя звалъ сюда? сказала Юлія Линѣ, которая весело прибѣжала къ нимъ. У меня не достаетъ мельницы. На верху подлѣ лѣстницы, у дверей направо стоитъ корзинка, принеси ее сюда, Лина.

Услужливая дѣвочка, прыгая, побѣжала за корзинкою, но тотчасъ же возвратилась съ пустыми руками; на лицѣ ея выражался испугъ.

— Что съ тобой? спросила Юлія, отчего не принесла корзинки?

— На верху сидитъ Стефанія и закрывшись фартукомъ

горько плачетъ. Глаза малютки были полны слезъ. Стефанія не замѣтила меня, продолжала Лина, а я боясь потревожить ее, зашумѣвши корзиною, тихонько ускользнула сюда. Дѣти встревожились.

— О чемъ это плачетъ Стефанія? что у нея за горе? говорили они.

— Я замѣтила еще третьяго дня, сказала Лина, что Стефанія огорчена. Вечеромъ, уложивши меня спать, и думая что я заснула, она склонила голову на мои ноги и горько зарыдала.

— Я знаю отчего она плачетъ, сказала Лина, собравшись съ духомъ.

— Ну такъ говори, пристали къ ней дѣти.

— Бабушка, сказала Лина, дурно обращается съ ней, а Ульрика изъ зависти на нее бабушкѣ наговариваетъ.

Между тѣмъ Стефанія день отъ дня становилась печальнѣе и скрытнѣе. Часто на глазахъ ея были замѣтны слѣды слезъ. Она худѣла и блѣднѣла. Въ домѣ чувствовалось какое-то принужденіе. Прежняя веселость исчезла, никто не смѣлъ ни смѣяться, ни громко говорить.

Эта перемѣна не укрылась и отъ проникательнаго взора Дидриха.

Однажды вечеромъ, въ началѣ августа, Стефанія посѣтила семейство Кирбахъ и подарила имъ изъ своихъ трудовыхъ денегъ два талера. Потомъ, обратясь къ работавшимъ дѣтямъ, сказала: дѣти, пойдемте со мною въ лѣсъ, пригласите и дѣтей Фолькратъ.

Дѣти тотчасъ собрались. Стефанія привела ихъ на то мѣсто, гдѣ была срублена сосна и насыпанъ ими холмикъ.

— Теперь, милые мои, сказала Стефанія, спойте вашу прекрасную молитву: „Какъ спокойно вы отдыхаете“, а я сяду за этотъ можжевельный кустъ. Сказавши, это она сѣла за кустарникъ и печально склонила голову.

Торжественныя слова и звуки снова раздались въ тихомъ вечернемъ воздухѣ и западали въ сердце нуждавшееся въ

утѣшеніи. Пѣніе и музыка — дары неба. Они воздвигаютъ преклонившійся тростникъ и возжигаютъ угасающій свѣтильникъ. Пѣніе влило въ душу Стефаніи спокойствіе, надежду и отраду.

Юные пѣвцы кончили, а Стефанія, еще не трогаясь съ мѣста, сказала: ступайте, мои милые, благодарю васъ.

Дѣти пошли домой, когда они скрылись, Стефанія встала, преклонила колѣна, помолилась, и тихо возвратилась домой. Укладывая спать маленькую Лину, она поцѣловала ее нѣсколько разъ и сказала „не забывай меня“.

Также ласково простилась она и съ другими дѣтьми. Юлія спала въ одной комнатѣ съ Стефаніей. Около полуночи она проснулась и сквозь дверь замѣтила въ другой комнатѣ огонь. На утро Юлія увидала, что постель Стефаніи была не тронута и ее самой не было въ комнатѣ. На столѣ лежало запечатанное письмо, адресованное на имя г. Дидриха. Юлія понесла письмо къ отцу. Дидрихъ взялъ письмо, пошелъ съ нимъ въ кабинетъ и заперъ за собою дверь. Распечатывая письмо дрожащими руками, онъ тревожно пробѣжалъ его содержаніе, поблѣднѣлъ и опустилъ руку.

„Важныя причины! повторялъ онъ читая письмо, которыхъ я вамъ не могу и не смѣю сообщить, принудили меня такъ внезапно и не простясь оставить домъ вашъ, въ которомъ встрѣтила я много дружескаго расположенія. Вы упрекаете меня въ неблагодарности, но Богъ видитъ, иначе поступить мнѣ было невозможно“.

— Чего я боялся, то и случилось, сказалъ Дидрихъ глубоко растроганный. Стефанія слишкомъ благородна, чтобы сообщить мнѣ настоящую причину своего отъѣзда, но я угадываю и съ письмомъ Стефаніи пошелъ наверхъ въ комнату консульши; но у дверей остановился и сказалъ самъ себѣ: Готгольдъ, не теперь, ты слишкомъ взволнованъ. Ты можешь забыть, что она мать твоя и слѣпая.

О матушка! еслибъ ты знала, какъ сильно убиваешь сына своего.

Сказавши это, онъ пошелъ обратно внизъ, взялъ свою шляпу, трость и отправился въ лѣсъ. Когда онъ возвратился домой, было уже около десяти часовъ; въ это время онъ обыкновенно пилъ шоколадъ у матери.

— Матушка, сказалъ онъ, сѣвши возлѣ нее, кроткимъ голосомъ: вѣроятно вы уже знаете какое счастье утратило

семейство наше сегодня утромъ. Мнѣ тяжело сказать вамъ, милая матушка, что я догадываюсь, можетъ быть...

Дидрихъ остановился, стараясь смягчить слова свои.

— Продолжай, сынъ мой! сказала спокойно консульша, я почти понимаю, чего ты не рѣшаешься произнести.

— Да, любезная матушка, по всему видно что вамъ извѣстна причина внезапнаго отъѣзда Стефаніи. Мнѣ кажется, вы слишкомъ довѣрчиво выслушивали навѣты, завистливой прислуги и этимъ изгнали изъ нашего дома существо, влияние котораго было такъ благотворно на всѣхъ.

— Стефанія—змѣя, сынъ мой! возразила консульша твердо, она своей прекрасной, двуличной наружностію васъ всѣхъ одурачила, исключая меня, слѣпой; она почти завладѣла твоимъ домомъ и точно госпожа распоряжалась всѣмъ какъ ей было угодно. Даже таскала изъ дома твоего кушанья, дрова, деньги, и чужимъ добромъ заготовляла себѣ друзей.

— Это безсовѣстная клевета, матушка! прервалъ ее сынъ, повѣрьте мнѣ: Стефанія дѣлала это съ моего согласія.

— Такъ поэтому я клеветцу? возразила рѣзко консульша, скажу на отрѣзъ, она стремилась выйти за тебя замужъ, а какъ я высказала ей это въ глаза, то она и сочла за лучшее окончить фальшивую игру, и какъ оскорбленная невинность удалилась. Я надѣюсь современемъ ты мнѣ будешь за это благодаренъ.

При послѣднихъ словахъ консульши Дидрихъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ и долго собираясь съ духомъ, наконецъ сказалъ торжественно: любезная матушка! никогда не приходило мнѣ въ голову жениться на Стефаніи, я считаю себя недостойнымъ руки ея. А еслибъ она согласилась соединить судьбу свою съ моею, то счелъ бы себя, дѣтей и васъ, матушка, счастливыми.

— Что за вздоръ ты говоришь? возразила оскорбленнымъ голосомъ консульша.

— Ты, богатѣйшій негоціантъ изъ всего округа, который смѣло можетъ надѣяться получить руку лучшей невѣсты, ты считаешь себя недостойнымъ ничтожной служанки!

— О матушка! отвѣчалъ Дидрихъ, еслибы богатство было преградой моему соединенію съ Стефаніей, я отказался бы отъ него.

— Если бы тебѣ было 20 лѣтъ, а не 39, возразила консульша, то я извинила бы подобный разговоръ, жену,

какъ Стефанія, можешь найти каждый день по дюжинѣ, а деньги не всегда.

Дидрихъ печально, но съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на мать, и послѣ краткаго молчанія сказалъ съ жаромъ: пусть же и Ульрика, которая клеветаетъ на Стефанію, сегодня же оставитъ домъ нашъ.

— Въ лицѣ Ульрики ты оскорбишь мать свою, возразила консульша. Ульрика служитъ намъ семь лѣтъ вѣрно и честно. Стефанія же провела здѣсь только нѣсколько мѣсяцевъ. Надѣюсь, сынъ мой, ты изъ уваженія ко мнѣ оставишь въ домѣ Ульрику.

Дидрихъ грустно сказалъ про себя: Готгольдъ, она мать твоя и слѣпая.

Возвратившись въ кабинетъ, Дидрихъ написалъ письмо къ Стефаніи и тревожно ждалъ отвѣта. Когда ожидаемый отвѣтъ пришелъ, онъ дрожащей рукой распечаталъ его.

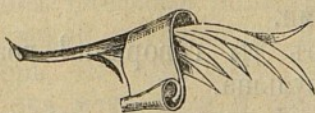
— Я такъ и предчувствовалъ сказалъ онъ печально. Какой драгоцѣнности я и дѣти мои лишились. Дидрихъ написалъ еще письмо Стефаніи, запечаталъ его и приложивши тяжелый свертокъ денегъ, отправилъ къ ней.

Съ этихъ поръ не было и помина о Стефаніи между матерью и сыномъ. Только дѣти вспоминали о ней вздыхая.

Однажды консульша сказала сыну: теперь у тебя нѣтъ никакой отговорки относительно учителя, похлопочи о немъ поскорѣе, сынъ мой.

И сынъ немедленно повиновался волѣ матери.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-издательница **Т. ПАССЕКЪ.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17 іюня 1882 г.

Типографія А. С. Сувогина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.